НОЯБРЬ 1928 г. № 44 ЦЕНА 15 КОП.

Рис. К. Ротова

— А по какой улице пройдет культурный поход?

— Конечно, — по главной. Кто же на окраину полезет?

КАРРИКАТУРА

В Минске, на протекающей в пределах города речонке Свислоч, кончается постройкой железобетонный мост. По мосту этому расчитано было пропустить линию вновь отстроенного минского трамвая и путь пролегающей тут заводской узкоколейки.

Когда мост, на который истрачено пока свыше 300 тысяч рублей, был уже почти закончен, — неожиданно выяснилось несколько мелких, но чрезвычайно досадных оплошностей конструкции и планировки. Оказалось, во-первых, что его построили для чего-то горбом, подняв центр на такую высоту, которой никакой, самый честный трамвай, никакая, самая трудовая рабоче-крестьянская лошадь одолеть не могут; оказалось, во-вторых, что пути узкоколейной ветки, на которые он был расчитан, на нем не умещаются; оказалось, в-третьих, что раз там не могут проехать ни трамвай, ни заводский паровичек, этот мост, вообще, ни к чему не нужен, потому что пешеходы не затруднились бы и впредь переходить ручей, как это делается уже десятки лет, по простым деревянным кладкам.

Неудобство это представляло только для пьяных, интересы которых в полной мере мог бы, однако, защитить здесь, отнюдь не требуя трехсоттысячных ассигнований, обыкновеннейший резервный милиционер; зачем же было взамен милиционера воздвигать с таким шумом железобетонный мост?

***

Когда некоторые центральные органы заинтересовались этой странной историей, картина, по объяснениям местных властей и самих строителей, выяснилась следующая:

Проектировал мост инженер, который уже несколько лет тому назад уволен из отдела коммунального хозяйства, где он служил, по причине засвидетельствованного врачебной комиссией старческого слабоумия. Проект заглазно утвердил второй инженер, осуществлявший контроль над строительством; когда мост уже кончали, он приехал в Минск, осмотрел постройку и, пожав плечами, с недоумением сказал:

— Если бы я раньше видел это место, то я бы, конечно, не утвердил проекта. Чепуха в смятку, а не мост!

По поводу того, что мост выстроен горбом и оказался, поэтому, непроезжим, руководители работ пояснили, что они считали Свислоч судоходной рекой и желали обеспечить необходимую для прохода судов высоту пролетов. Речку же эту переходят вброд, что отлично известно каждому пионеру в Минске, не только люди, но даже цыплята; не говоря уже об океанских судах, о которых беспокоились инженеры, тут с трудом пробирается по ставшей воде даже утлый челн рыбака...

Что же касается невмещающихся путей узкоколейки, то о ней попросту... забыли: чорт бы ее драл, эту разбитую таратайку!

Обсудив создавшееся положение, участники веселого этого предприятия пришли к следующим деловым выводам: горб надо срезать, на подъездах к мосту возвести искусственные подъемы, для узкоколейки же... отстроить второй мост. По предварительной смете, которая возрастает, как известно, в процессе работ не меньше чем в пять раз, на эту работу дополнительно испрошено еще 70 тысяч.

***

Я думаю, минский случай представляет собой бесспорный рекорд фантастической российской лени, неуменья, наплевательства, практической никчемности, ужасающей глупости и позорного пренебрежения к делу, которым эти люди занимались.

Можно забыть носовой платок или коробочку спичек в кармане пальто или пиджака, но забыть, строя мост, о железной дороге, для которой он возводится, — это уже маразм, это сумасшествие, а не рассеянность.

Можно спутать номера воротничков или названия переулков, но как спутать Свислоч с Миссисипи — непостижимо!

Можно подмахнуть, не глядя, какую-нибудь нудную исходящую бумажку в канцелярии, но как утвердить проект бетонной постройки, не зная условий и не посмотрев места, где ее будут возводить, — этого понять нельзя.

Я не знаю, как поступят с работниками, трудами которых воздвигнута эта классическая каррикатура на Свислочи...

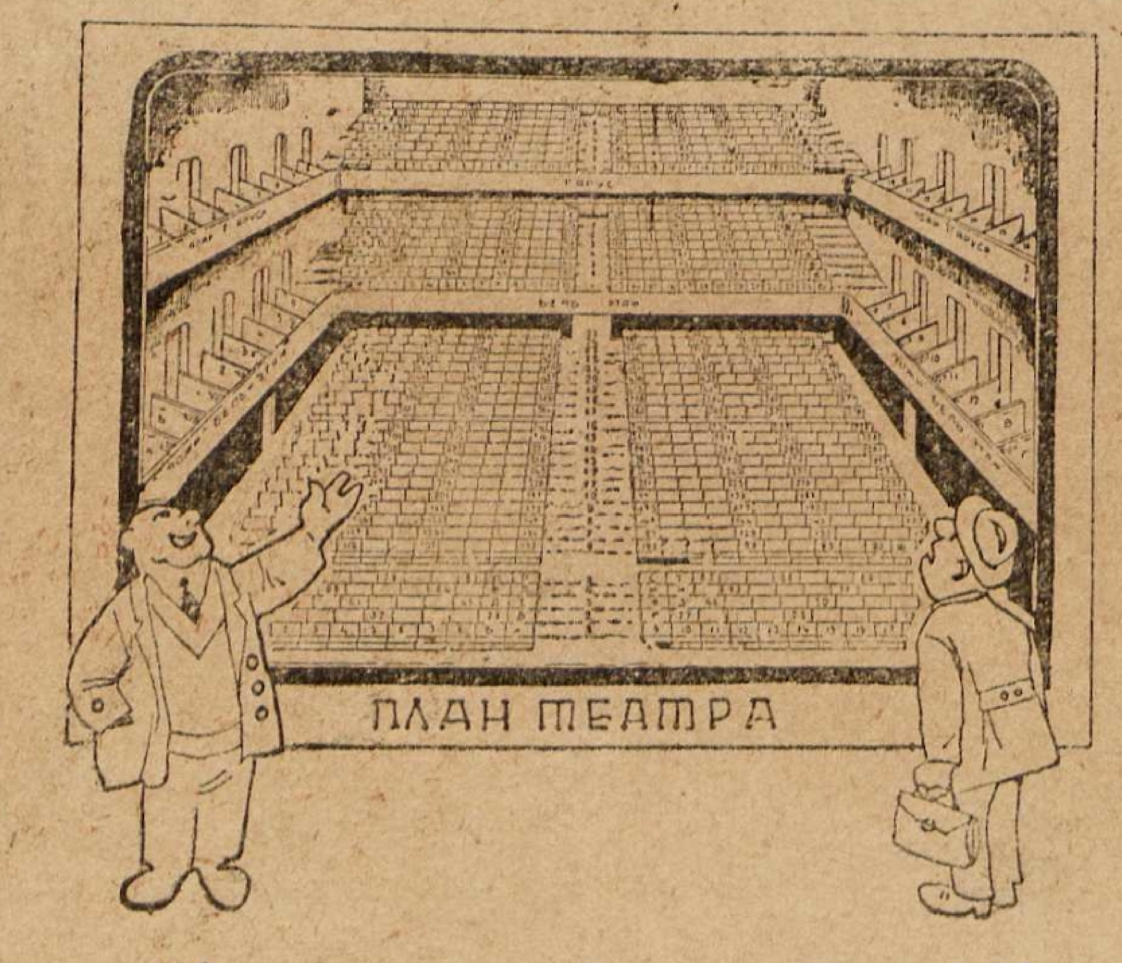
Хорошо бы, я думаю, запечатлеть их имена и физиономии и тот горб, который они выстроили, заботясь о путях для океанских судов, через Свислочь, на плакате, — и расклеить эту родную картинку по градам и весям всего СССР: вот, смотрите на людей, у которых общественная совесть замазана дегтем и мозги подменены спресованной овсяной шелухой.

Может быть, не только им, но и многим другим станет стыдно за них...

А. Зорич

РАБОТА ПО ПЛАНУ

Рис. Гина

— А это, так сказать, план работы нашего театра на текущий сезон...

В ЦИРКЕ

Входим, празднично одеты.
Шум в ушах.
Глаза горят.
— Где билеты?
— Вот билеты!
— На трибуну!
— Первый ряд!

***

О, волшебная минута!
Это детство...
Это сон...
Музыкант трубой опутан,
Флейтой черною пронзен!
Тут действительность исчезла,
Скажем снова: это — сон!
Марш, как слон, ломает кресла,
Вальс летает, как серсо!

***

Где найдешь такие краски?
Недоступная уму
Ходит лошадь в полумаске —
Неизвестно
Почему!

***

Головой красивой крутит...
Шаг вперед,
И два назад!
Злой, но справедливый Труцци
Смотрит прямо ей в глаза.

***

Сколько музыки и света!
Удивляется народ:
Се — у Труцци, из манжета
Длинный бич, как гейзер, бьет!

***

Чудеса-ль бывают часто?
Сериозен человек, —
Но в воздушного гимнаста
Я влюблен! Влюблен навек.
Купол. Высь. Рука. Улыбка.
До свидания!
Лечу!
Тело легкое, как скрипка,
Пролетает по лучу...

***

Нарушение закона,
Потому — оваций гром:
Посрамлен
Закон
Ньютона,
А гимнасту — нипочем!

Зубило

ВЕРНОЕ СРЕДСТВО

На платформе маленькой станции в ожидании поезда сидело несколько человек: малый лет двадцати в клетчатой кепке и теплой куртке с хлястиком сзади, рабочий в кожаной куртке, человек в брезенте и несколько женщин.

Малый в кепке грыз семячки и очистки выплевывал на доски платформы.

— Что-ж ты соришь-то? — сказал рабочий, посмотрев на него.

— А что-ж, — подметут...

— Дурацкая голова, — за всеми и подметать?

— Они за это деньги получают.

— Вот упорный человек-то, — отозвался человек в брезенте, сочувственно слушавший рабочего.

— Не упорный, а просто мы уж привыкли, как свиньи, где посидел, там после себя навоз и оставил.

— Ну, что, в самом деле, будет тебе сорить-то, — сказала одна из женщин в платке, — уж теперь ребят к чистоте приучают, а ты, вишь, дылда какой и этого не понимаешь.

Малый, не отвечая, сидел и упорно выплевывал очистки на платформу.

— Да, уж это, знать, в плоть и в кровь нам в'елось, — сказал рабочий, — и отчего, скажи на милость, ни один народ в такой грязи должно не живет, в какой мы? Вон в Москве урны везде для окурков поставлены, а иной раз видишь, идет интеллигентный человек с папироской, докурит, потом оглянется и бросит окурок на тротуар, — лень ему до урны донести.

— Этот хоть оглядывается, а другие сидят рядом с урной и на пол бросают, — отозвался человек в брезенте, — потому уж спокон веку привычка такая: поел — бросил, покурил — бросил.

Мимо прошло несколько человек дачников с корзинками. Они остановились и, посмотрев на малого, сказали, обращаясь к сидевшим с ним:

— Что-ж вы его не остановите?

— Останавливали уж, больно упорный человек.

Малый посмотрел им вслед и, усмехнувшись, продолжал плевать.

— Ну, что-ж хорошего-то, словно свинья посидела, — сказала одна из женщин, обратившись к малому и указав на засоренную очистками платформу.

— А он только оскаляется. Ему хоть кол на голове теши.

— Теперь чтой-то плохо смотреть стали, а прежде, когда только что штрафы ввели, сколько народу нагревали — страсть! Окурок бросил, — плати рублевку.

— Иначе и нельзя, насчет сору и грязи наш брат — первый человек.

— Он сам не замечает, когда сорит, — сказал рабочий. — Этот вот хоть из озорства, а иной от доброго сердца столько навалит, что и лопатой не проворотишь. Привычка: ест в поле, там урн нету, да и в избе хоть взять — там пол земляной — не хуже поля.

— Ты что деревенских берешь, городских возьми, хоть нашего брата-рабочего: зайдешь в местком, сидят все, курят, весь пол в окурках, на столах всего навалено, на полу — тоже. Только вот в клубах чистоту строго держат.

— Небось, — штраф?

— Первое дело.

— И никаких об'яснений?

— Никаких, — сказал рабочий. — Ежели ты ему будешь об'яснять, что нехорошо сорить, так он с тобой в об'яснения вступит, не хуже вот этого вот (рабочий кивнул на малого в кепке), а как скажешь: «Ну ка, плати!» — так куда твои рассуждения, куда весь форс денется.

— Да, это средство верное.

— Нас только этим и можно брать.

— Ну что-ж, тебе легче стало оттого, что ты насвинячил тут? — сказал рабочий, закуривая папиросу. — Я вот, видишь, постарше тебя, а пойду да спичку в кусты брошу.

Он, правда, встал и, отойдя несколько шагов, бросил обгорелую спичку в кусты.

— А что-ж я и буду полны карманы очисток носить? — сказал малый.

Из вокзала вышел милиционер в шинели в накидку и пошел по платформе.

Проходя мимо сидевших, милиционер остановился и спросил:

— Кто это набезобразничал?

Малый побледнел и так и остался с подсолнухом во рту, который он не успел еще разгрызть.

— Это все он наработал, — сказал рабочий, — мы ему уж тут целую лекцию прочли, а он во время ее еще горсти две слущил.

— Плати, — сказал коротко милиционер и полез во внутренний карман шинели за книжкой с квитанциями.

— Дяденька, я больше не буду, — заговорил жалобным тоном малый, — я забыл, что нельзя.

— Ничего, лучше будешь помнить, — отозвался рабочий. — Ну, вот, ей богу, до чего верное средство! Десять человек ему сидели, говорили и уговаривали — как горох к стене, а подошел один, сказал волшебное слово — и не спорит, только прощенья просит.

Малый, совершенно присмиревший, горестно качая головой, полез в карман за рублевкой.

— У нас на каждых ста шагах милиционера бы ставить, — продолжал рабочий, — вот тогда бы дело было, а то посадили на станциях только.

— Вот тебе заработал, — говорил малый, подавая милиционеру рублевку.

— Я бы с тебя не рублевку, а целую трешницу содрал! — сказал ему рабочий.

— Ничего, милый, не горюй, — заметил человек в брезенте, — за то это последняя, потому что теперь долго помнить будешь.

— Прививку хорошую против беспамятства сделали.

— Да уж на что лучше. Средство — без ошибки, — сказал рабочий и щелчком бросил докуренную папироску далеко на платформу.

Милиционер выдал малому расписку и повернулся к рабочему:

— Плати! — коротко сказал он.

Рабочий удивленно поднял на него широко открытые глаза.

— Что плати?

— За сор штраф.

— За какой сор?..

Милиционер молча указал на брошенный окурок.

— Что б тебе черти!.. Неужто это я бросил?

— А то кто же?..

— Товарищ, я подниму сейчас, — ей богу, по забывчивости...

— Ничего, милый, заплатишь, лучше запомнишь, — сказал человек в брезенте. — Это прививка хорошая!

Рабочий достал кошелек, заплатил рублевку, взял квитанцию и пошел.

— С него бы не рублевку, а целую трешницу надо! — сказал человек в брезенте.

Рабочий, отойдя несколько шагов, озлобленно плюнул и махнул рукой.

— Насажали вас тут, чертей, на кажной станции!..

Человек в брезенте посмотрел ему вслед и сказал:

— Ну, до чего верное средство, ей богу! Даже спорить не стал!

Пантелеймон Романов

В ДУХЕ ВРЕМЕНИ

Рис. А. Р.

— Отпустите, пожалуйста, с культурным походом!

„УЛИЦА, УЛИЦА,—ТЫ, БРАТ, ПЬЯНА!..“

Рис. Б. Малаховского

— Фу ты, чорт!.. Ну и дороги!.. Чего только Автодор смотрит?!

ЧАЙКА ПОД БРОНЕПОЕЗДОМ

(Послеюбилейное приветствие)

О, время далекое первых успехов,
Зеленых восторгов наивные дни!..
Пописывал Горький. Пописывал Чехов.
(Киршон и Чижевский таились в тени).

Фуражки студентов летели с галерки.
Театр!.. Интересов не знали иных.
Пописывал Чехов. Пописывал Горький.
В те дни не слыхали о «Днях Турбиных»).

«Царь Федор» почтительно ждал репетиций.
(Тогда еще были цари и фита),
Бежали курсистки за «Синею Птицей»
(Иная эпоха — иные цвета).

Белели деревья «Вишневого сада»
(Еще не грозили ему топоры,
Еще не грозили театру «Блокада»),
И три о Москве помышляли сестры.

И вот — полюбуйся! И вот — посмотри-ка!..
От пыльных кулис до просиженных лож—
Театр содрогнулся от страшного Крика,
От Бенчика Крика и — Менделя тож...

Растратчики... Гетман... Налет партизанов...
(Пугливая чайка летит в облака).
Идет «Бронепоезд» — им правит Иванов,
Воронского крестник, кузен Ермака...

Жестокость петлюровцев... Храбрость китайцев...
Палит «бронепоезд» на полном ходу.
Булгаков, Катаев, Леонов и Зайцев —
Кого только нету в «Вишневом саду»?

Твердит Немирович в тоске неуместной:
— Забыты традиции... классикам—шах!
... «Но что это? Выстрел? Нет чайки прелестной!
Она, трепеща, умерла в камышах...»

Эмиль Кроткий

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Евсей Эркин в «Новом Мире» (№ 10) трогательно рассказывает о своей дружбе с... мышенком:

Чем угостить мне гостя?
Что ищет, носом вниз?..
Закончу я поэму,—
Мы запируем, друг.

Сейчас на западе международные конференции по истреблению крыс и мышей устраивают, а поэт Евсей Эркин разведением грызунов занимается.

Опомнитесь, Эркин! Осоавиахим с вами!

★

Есть такой журнал «Птицеводство». В статье, озаглавленной «Из заграничной практики», читаем:

С аэроплана с высоты 600 метров был сброшен ящик с 24 дюжинами яиц — ни одно яйцо не разбилось.

Если бы журнал «Птицеводство» читали не люди, а домашние птицы, то и тогда приведенная выше информация была бы... на смех курам!..

★

Ник. Тихонов в журнале «Звезда» затрагивает чрезвычайно злободневную тему о дороговизне лимонов:

Как бред в стакане плыл лимон,
Он плыл, царапался и падал...

Поэт, к сожалению, отстал от жизни: лимон сейчас не царапается, а кусается, не падает, а поднимается (в цене).

СОБАЧЬЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В полдень в секретариат газеты «Губернский Рупор» вошел человек с разносной книгой, положил на секретарский стол бумажку, взял у секретаря расписку в получении и ушел.

А уже через пять минут вокруг секретаря столпились немногочисленные сотрудники газеты. Они были чрезвычайно взволнованы.

— Слушайте,—сказал секретарь.

И громко прочел:

«В редакцию «Губернского Рупора». С получением сего прошу прислать мне № газеты от пятницы 12 октября.

Предгубисполкома
А. Политкарпов».

— Номер уже послан. Ну, что вы скажете?

Но сотрудники не промолвили ни слова. Почтительную тишину нарушил только странный стеклянный звук. У репортера Косинуса выпал вставной глаз и, сверкая радужной оболочкой, покатился по комнате.

— С версткой, кажется, все благополучно? — осторожно заметил выпускающий.

— Это еще неизвестно,—сказал секретарь, — придет редактор, разберется. Во всяком случае, в пятничном номере есть какой-то грандиозный ляпсус. Я всегда говорил, что наша газета ведется безобразно.

— Я тоже говорил,—пробормотал репортер Косинус, подбирая глаз, — определенно безобразно.

— Это факт!—как эхо, отозвались остальные сотрудники.— Безобразно!

В три пришел редактор.

Он прочел бумажку и сразу осунулся.

— Вы уже послали?

— Уже послал.

— От пятницы?

— Конечно.

— Эх, вы! Не догадались подсунуть от субботы!? А еще секретарь!..

— Не догадался, Федор Николаевич...

— И, вообще, товарищ Конюшко, должен вам сказать, что наша газета ведется безобразно! Да, да! Я это давно говорил. Безобразно! И прав был товарищ Политкарпов, указав в своей речи на пленуме, что «некоторые вопросы прорабатываются в газете недостаточно». Прав был! Давайте сюда номер от этой проклятой пятницы. Поищем... Ну, вот, конечно... Ай-яй-яй!... Позвать сюда выпускающего! Смотрите, что вы натворили!! Вот... Вместо «орган губернского *исполнительного* комитета» написано «орган губернского *исполдидельного*»...

— Что поделаешь, Федор Николаевич! Корректор проморгал. Но, в общем, это пустяки, опечатка... Едва-ли из-за нее товарищ Политкарпов требовал бы экземпляр. Я думаю скорее, что...

Выпускающий оглянулся на дверь и быстро зашептал:

— Вы телеграммы просмотрите, Федор Николаевич... Арапский правил... Мрак!.. Смотрите, заголовочек: «Болдуин брыкается». Видите? А под ним что напечатано? «Бриан выехал в отпуск для якобы поправления здоровья. В германских дипломатических кругах придают этому большое значение».

— Товарищ Авдотья!—крикнул редактор.—Позовите Арапского!

— Знаю, знаю, «Болдуин брыкается»!—сказал Арапский, переступая порог.—Но не в этом суть. Метранпаж перепутал. Я не думаю, чтобы товарищ Политкарпов обратил на это внимание. Но вот Косинус, действительно, постарался. Посмотрите «Губернскую Жизнь». Вот здесь, сверху: «По мнению авторитетных товарищей из губкомхоза механическая хлебопекарня заработает не позднее 1934—35 года». Теперь на этой же странице снизу: «По мнению авторитетных товарищей из губкомхоза механическая хлебопекарня заработает не позднее 1934—35 года». Теперь на четвертой странице в хронике: «По мнению авторитетных товарищей из губкомхоза механическая хлебопекарня заработает не позднее 1934—35 года». И здесь еще в «Нашем строительстве»: «По мнению авторитетных товарищей из губкомхоза механическая хлебопекарня заработает не позднее 1934—35 года». Вот это трюк! Четыре раза одну и ту же заметку напечатать! В одном номере!

— Федор Николаевич! — сказал Косинус, придерживая глаз,— верьте слову... ничего не печатают... «Загон» собрался. Авдотья разносила его в разные отделы... Хлебопекарня, ей-богу, восемнадцать раз оставалась... В отделах не согласовали... Но ведь это же ерунда! Какая-то крошечная заметка... нонпарелью... Едва ли товарищ Политкарпов заметил... Посмотрите лучше на фельетон.

Редактор судорожно икнул и нащупал дрожащим пальцем стихотворный фельетон. Под эпиграфом: «В Крыму наблюдается необычайное потепление, так что в октябре даже расцвели фиалки» было напечатано восьмистишие, кончающееся такими строчками:

Что за климат, елки-палки,
В октябре цветут фиалки!

Иван Диплодок.

— И это на первой странице!—завизжал редактор.—У нас самокритика, хлебозаготовки, пленум, с'езд пожарников, а тут... «елки-палки»... Нет, не могу!.. У нас «Смотр культкомиссий», а тут, извольте видеть, фиалки!.. Где Диплодок!?

— Только что пришел, Федор Николаевич. Он еще ничего не знает. Сейчас позовем.

— В чем дело?—спросил Диплодок.

— Он еще спрашивает! Что за муру вы написали с этими фиалками в пятницу?

— Тем нет, Федор Николаевич! Кризис тем! А что?

— Что? Что? Политкарпов потребовал сегодня номер от пятницы, вот что!

— Но при чем же тут фиалки? Едва ли товарищ Политкарпов обратит внимание на такую мелочь! Ну, фиалки, ну, Крым! Подумаешь!.. Вот каррикатурка была в пятницу, действительно... того...

Под эпиграфом «В пожарном деле нашей губернии еще далеко не все обстоит довольно благополучно» был нарисован горящий дом, а рядом с ним—пожарный. На доме была надпись: «Пожарное дело», на пламени: «Кредиты», на дыме: «Бюрократизм в пожарных органах» и на животе пожарного: «Член союза».

— Вы с ума спятили!—набросился редактор на художника.— Какие «кредиты»? Что за «бюрократизм в органах»? Почему надписи на дыме? И, наконец, откуда вы выкопали этот идиотский, лишенный всякого смысла, эпиграф?

— Из вашей передовицы, Федор Николаевич, — «Привет пожарному с'езду». Из этого же номера.

Редактор заплакал. Потом аккуратно вырвал из бороды клок волос.

— Все виноваты! И я виноват! Пора уже проводить самокритику, не взирая на лица. Довольно! Нужно прямо сказать, что в нашей газете еще далеко не все обстоит благополучно!

***

На другое утро редактор откашлялся и вступил в кабинет Политкарпова. Подмышкой у редактора лежал плод бессонной ночи — об'емистый доклад об оживлении газеты «Губернский Рупор».

— А, здорово, здорово!—сказал Политкарпов.—У меня к тебе как раз и дельце есть. Тут, понимаешь, в газете от пятницы вкралась досадная ошибка. Жена дала об'явление:

КУПЛЮ СУКУ ПОРОДЫ ДОБЕРМАН-ПИНЧЕР.

— А нужно:

КУПЛЮ КОБЕЛЯ ПОРОДЫ ДОБЕРМАН-ПИНЧЕР.

— У меня, понимаешь, с женой на этот счет разногласия вышли. Она хочет суку, а я кобеля. В конце концов, я ее убедил... Скидку сделаешь?..

Евг. Петров

ТЕАТР ПО ДУШЕ...

Рис. Гина

— Только вот здесь, в Большом театре, и отдыхаешь душой... Кресла мягкие!

СВ. МАКДОНАЛЬД

Рис. Б. Малаховского

— Как красно говорит!
— Говорит-то красно, а перспективы — желтенькие!

ИСТОРИЯ О ПЕРЕДЕЛКАХ ПИСАТЕЛЯ, БЫВАВШЕГО В ПЕРЕДЕЛКАХ

Сегодня—праздник для газет!
Талант, действительно, на совесть!
И шум, и звон: писатель Зет
В журнале напечатал повесть!

———

Писатель в славе, как в раю...
Нужду былую шлет он к бесу,
И повесть новую свою
Он переделывает в пьесу.

———

Идет он вверх, покинув «дно»...
Его прельщает гонорарий...
Из новой пьесы—для кино
Он срочно делает сценарий.

———

Но мало этого ему:
«Простите, не из простофиль мы!»
Он жаждет денег! Посему
Он сделал оперу из фильмы.

———

Писатель славой упоен...
Простим счастливцу слабость эту!
И оперу в два счета он
Переработал в оперетту.

Остановиться, может? Нет!
Зет—не такой! Он смотрит в оба:
Из оперетты он—балет
Задумал сделать для Готоба.

———

Писатель, не жалея сил,
Мудрил, творил неутомимо—
И свой балет перекроил
Он в цирковую пантомиму.

———

Да, нынче—Зета полоса!
В глазах—восторг, в душе—горенье.
Он ловко сделал в полчаса
Из пантомимы—обозренье.

———

У Зета—пир, а не житье!
Пошла о Зете далеко весть,
И обозрение свое
Он снова... переделал в повесть!

———

Остановиться, может? Нет!
Знать, слава Зета закачала...
И снова... пьесу пишет Зет...
Читатель! Начинай сначала!..

Михаил Пустынин

И НАШИМ, И ВАШИМ

Рис. М. Черемных

— Как тебе ни стыдно? Ведешь антирелигиозную пропаганду, а сам молишься!
— Да ведь о чем я молюсь? О строительстве социализма-ж!

О ПРОБЛЕМЕ МНОГОСЛОВИЯ

Одна из самых наших страшных и хронических болезней — это многословие. Для того, чтобы не быть бездоказательным, я предложу вам проверить это на таком примере.

Представьте себе, что кем-то обронено наипростейшее утверждение бытового характера:

— В Москве много лошадей.

Теперь посмотрите во что выльется эта примитивная фраза, пройдя через призму нашего многословия.

ГАЗЕТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ

«Москва, как центр лошадескопления, и необходимые меры для борьбы с этой ненормальностью».

«Даешь лошадь! — Нас спрашивают: кто виновник лошадиного перепроизводства? Мы отвечаем: Ищите виновников среди лошадиных бюрократов!»

Конечно, тут-же подзаголовки:

«Лошадь и жилстроительство. — Может-ли лошадь пить какао?! — Все на борьбу с лошадиной психологией. — Лошадь, которая плакала. — Грива в сметане».

ДОКЛАД ОБЫКНОВЕННЫЙ

«Минуя пакт Келлога, хотя на судьбе латинских стран южной Америки следовало-бы остановиться подробнее, перейдем прямо к вопросу ребром: Москва задыхается в лошадях.

Остановимся сначала на Москве. Если разделить ее территорию на количество лошадей, получится, что на одного жеребенка приходится по половине квартала, не считая пустырей и домов новой стройки.

Если мы возьмем какой-нибудь город поменьше, как, например, Вятку, Чикаго, или реку Миссисипи, — картина получится несколько иная...».

И, наконец, утонченнейший вид многословия:

РАДИО-ДОКЛАД

«Возьмем, товарищи, лошадь, как таковую и как не таковую. Как нетаковая, она ни на что не делится; как таковая, делится на извозчичью и грузовую.

Как извозчичья, она может быть понимаема в общем и целом и ни в общем и ни в целом. Ни в общем она не может возить седока, а в целом она может возить седоков. (Музыкальный антракт).

Теперь возьмем седока и не возьмем седока. Если мы не возьмем седока, как такового, рассмотрим его не как такового. Как не таковой, седок делится на платного и бесплатного. (Переход трансляции на проволочную передачу). Алло! Алло! Итак, мы остановились на седоке, как не на таковом, т.-е. бесплатном.

Обзирая историю платы в древности, мы видим, что в древнем Риме просто не платили извозчикам, а писали стихи на восковых дощечках. Теперь, если мы для краткости дадим химический состав воска, то...».

***

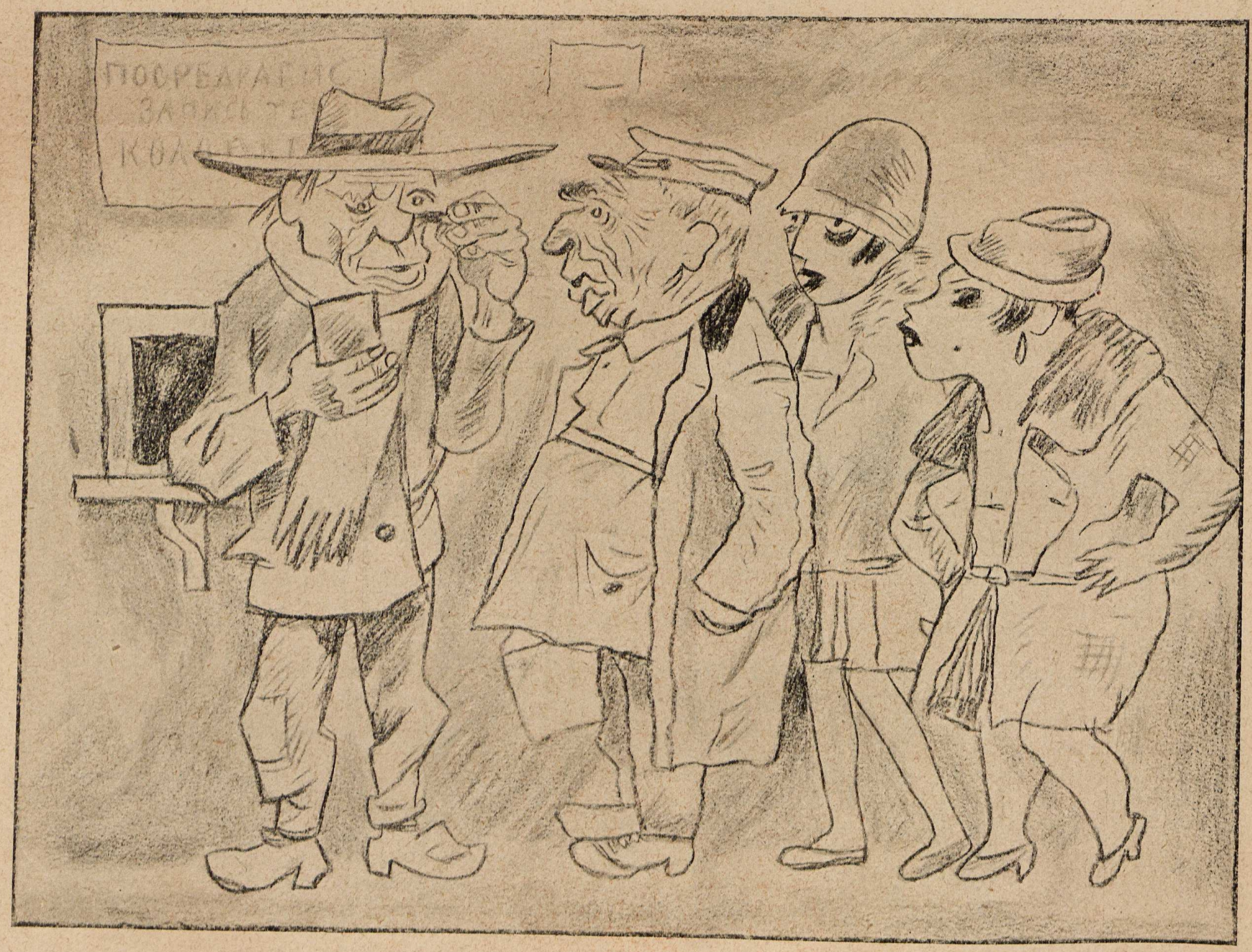
Кстати: неужели простую мысль о том, что мы очень многословны, нельзя было высказать в гораздо меньшем количестве фраз?

Егор Спиноза

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПОСТАНОВКА

Рис. И. Малютина

На бирже Посредрабиса кумовство и дезорганизация.

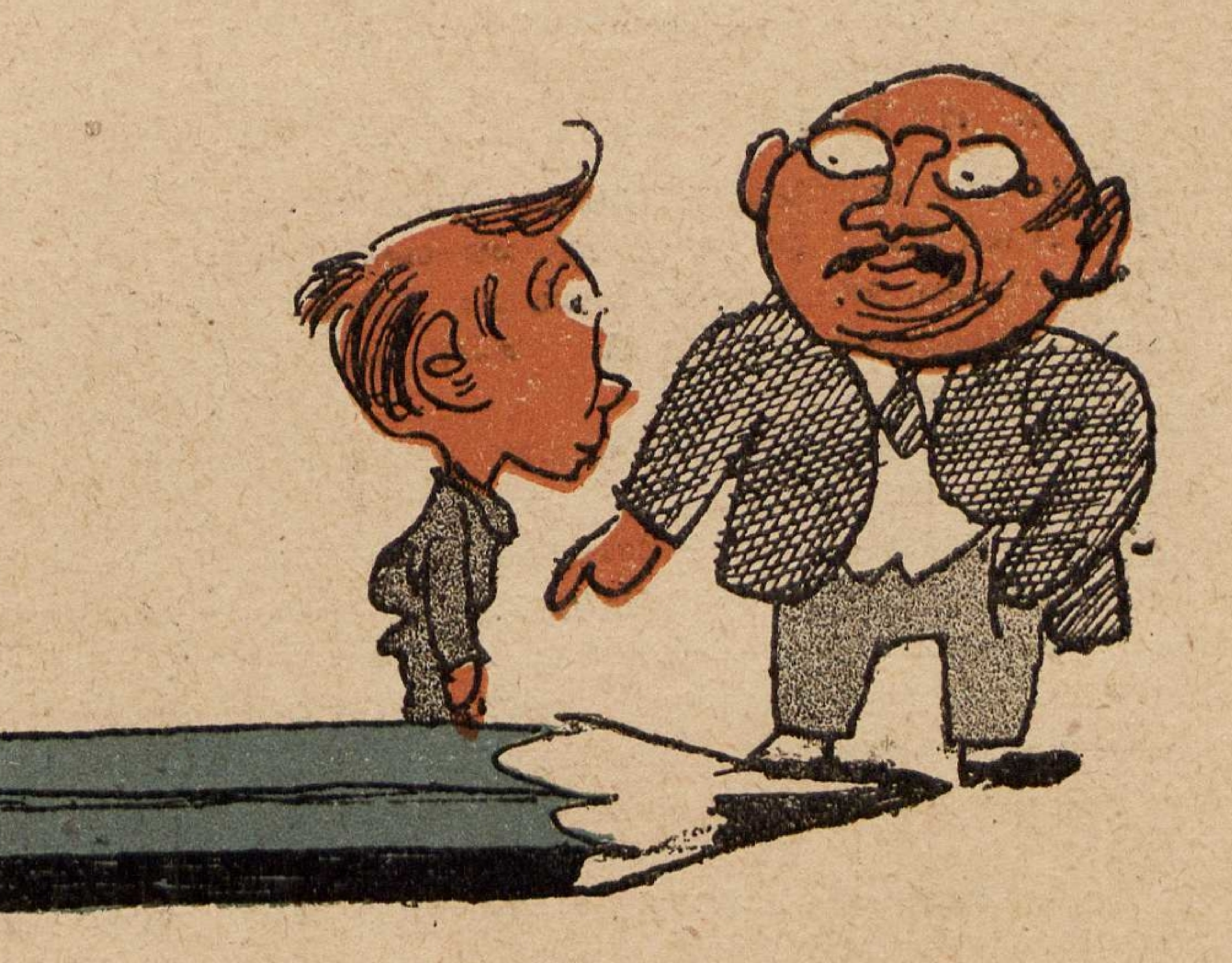
— Зачем ты гримируешься?

— Хочу загримироваться племянником заведующего. Может, работу получу...

ДО СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА!

Рис. А. Радакова

— Папа, почему карандаш двухсторонний?
— Одной стороной, деточка, подписываются на журнал «Смехач» на декабрь месяц, а вот на какой интересный журнал подписаться другой стороной — об этом подробно будет сказано в следующем номере!..

ВЕЛИКАН

В Харькове я встретил одного очень странного человека. Очень странного человека.

— Голубчик, — убеждал меня однажды известный литератор, — если в нашем рассказе никто никого не убьет и никто ничего не станет изобретать, и если в нем не будет какого-нибудь странного человека, то это уже обещание, что рассказ может быть хорошим.

Но человек, которого я встретил, был в самом деле странным, особенно в этой обстановке. В нем было одиннадцать пудов весу. Он съедал четыре обеда, спал на двух койках и был родом из черниговских крестьян. Его звали Микола Тимошенко.

Вот вы не знаете, например, Орлова.

Стоит ему услышать, что где-нибудь проживает или непомерно рослый или удивительно маленький человек, как Орлов едет за ним, заключает с ним договор и возит его по Союзу год, два, пять, двадцать лет, пока тот не найдет свою судьбу или не умрет с тоски.

— В Христиановке, говорите, живет? — переспросил Орлов и запряг лошадь.

Утром он подписал с Тимошенко договор. Полное содержание, двадцать пять рублей в месяц и контракт на три года.

— Десять рублей на бочку,—сказал Микола.

— Получай, в чем дело!

И Тимошенко покинул свой дом и свое стадо и родное село, где, несмотря на свою толщину, а может быть и поэтому, не работал на поле, а был пастухом.

Полгода тому назад он выступал еще в Харькове. Около Екатеринославской улицы на набережной реки Лопани Орлов соорудил фанерный балаганчик, туго обив его войлоком, чтоб бесчисленные любители даровщинки не могли подглядывать в щели.

Афиша, как афиша. Чудо природы, сказочный великан, каждый может потрогать и задавать вопросы. Билет стоит двадцать копеек, дети моложе десяти лет не допускаются. Ясно, что главными посетителями были дети до десяти лет. Было также не мало и пошкольных дураков.

Открывался балаганчик в двенадцать часов дня и закрывался в десять вечера. Сам Орлов стоял весь день на улице и зазывал публику веселыми шутками и мелодичными ариями из собственной будто бы оперы «Не бей меня, мама, мокрым полотенцем по голому пузу». Оперу, конечно, сочинил не он, она, вообще, не существует, хотя в Союзе можно найти несколько десятков человек, которые приписывают себе эту оперу.

В балагане висели открытки, с тонкими, как жердочка, танцовщицами и разными головастыми, рукастыми и усастыми младенцами. А в широком, как трон, кресле сидел сам Микола Тимошенко. Он сидел на своем стуле, как на пьедестале, менять позу считал излишней (в контракте этого не было) и постоянно смотрел вниз, на свои башмаки, похожий на сумасшедшего, который потерял рассудок из-за того, что в башмаках были гвозди.

— Гражданин, а вы нормальный? — спрашивал кто-нибудь из публики.

— Нормальный, — отвечал Микола, не поднимая головы.

— А происхождение?

— Пастух.

У этого пастуха были совсем неплохие нервы, если он не умирал с тоски. Орлов запретил ему вообще показываться на улице.

В самом деле, кто пойдет в балаган и станет платить, если его можно увидеть на улице бесплатно. Он дневал и ночевал в этом сарайчике, и только поздно ночью, в предрассветный час, Микола мог выходить на прогулку. Он гулял по набережной Лопани, до бани и обратно, ровно 40 минут и вдыхал довольно противные малярийные запахи, обильно распространяемые Лопанью.

— Готово! — кричал Орлов и снова загонял великана в балаганчик.

Куда смотрела охрана труда — неизвестно. С Орлова было достаточно, что он сам был членом союза.

***

Чудесным успехом пользовался в Харькове Тимошенко.

Люди входили и выходили, трогали, спрашивали и посылали своих знакомых. Орлов выдал Миколе премиальные и купил ему плитку шоколада «Золотой Ярлык». Великан питал отвращение к табаку и водке.

Вот уже несколько месяцев, как балаганчик открыт, а публика все ходит и ходит; словно в городе Харькове, в этом балаганчике все время меняется народонаселение. До того дошло, что Орлов стал сколачивать зимнее помещение с электричеством и паровым отоплением.

Но тут Микола влюбился. Уступив молчаливой и детской просьбе Миколы, Орлов выпустил его вечером на улицу.

— Ну, посмотри, посмотри, как народ гуляет. Только на одну минуту!—сказал счастливый и раздобревший Орлов.

Тимошенко вышел на Екатеринославскую улицу, встретил тощую, нормальную женщину и влюбился. Он пошел за ней.

— Постой, куда?—остановил его Орлов.

Но великан отшвырнул его и пошел за женщиной. Он пошел за ней через Павловскую площадь, мимо пассажа, по улице Свободной Академии, по Рымарской, через Сумскую, по Ветеринарной до самого Дома Промышленности,—гигантского, легкого, незаконченного и прекрасного.

Там женщина села в автобус. Сел в автобус и Тимошенко. Она вышла из автобуса, вышел и он, она зашла в кафе, вошел и он, она выпила чашку кофе, выпил шесть чашек кофе и он, она съела пирожное, съел дюжину пирожных и он.

Утром он вернулся в балаганчик.

— Орлов, — сказал он, смущаясь, — дай мне немного денег. Поистратился!

— Постой, какие деньги? — ядовито спросил его Орлов, — зачем ты мне сейчас? Кто заплатит сейчас хоть одну копейку? Тебя видели сто тысяч человек. Боже мой, сто тысяч человек!

И Орлов высчитал, сколько он имел бы денег, если бы эти сто тысяч пришли к нему в балаганчик.

— Боже мой, двадцать тысяч рублей! Двадцать тысяч, — шляпа ты этакая!

Микола стоял, как побитый.

— Ты на ней много заработал, болван? На доктора ты заработал хотя бы?

И Орлов порвал контракт, распрощался с Миколой и уехал в Асканию Нову, где можно, слыхал он, дешево купить жирафа.

С. Гехт

НАУЧНЫЕ ТАЙНЫ

В некоторых наших газетах и журналах так называемые «Научные отделы» ведутся по образцу былой газетной «Смеси», сохраняя весь ее привкус «занимательного чтения» с мещанской моралью. Ниже мы даем образцы такого «Научного отдела» с предложением читателям сверить наши образцы с оригиналом...

К ИСТОРИИ ПОЛЯРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Как уже известно многим из наших читателей (см. словарь Даля), мы свободно располагаем двумя полюсами, из которых один северный, а другой, почти наоборот, — южный.

И вот уже издавна многие из тропических исследователей, не удовлетворяясь мещанскими прихотями затхлого быта, пытались исследовать различные полюса.

Глубокая вера в предков, капитализация крупных предприятий, предзнаменования природы, а также другие естественно-исторические причины толкали исследователей к полюсу.

В средние века, за четыре года до империалистической войны (1914 — 1918 гг.), таким исследователем был Кук, от которого нам остался известный афоризм: «Вот так штука капитана Кука».

Затем уже исследовали не капитаны, а штатские, что сильно сказалось на Гольфштреме и его притоках и самотеках.

Теперь исследования ведутся регулярно, но — увы — полюса уже открыты. Последним не был на полюсе английский гинеколог Джонс-Мойс, портрет которого (с детьми) мы помещаем.

КТО БЫЛ ИЗОБРЕТАТЕЛЕМ ПРИМУСА?

Среди других, первым изобретателем примуса был южно-голландец Ван-Пфан, который при помощи односельчан пытался открыть закон градобития, но, благодаря семейным осложнениям, изобрел примус.

Первый примус

Первый примус служил средством передвижения, пока особым актом короля Пфуля V, отличавшегося гуманностью и склонностью к подагре, примус не был об'явлен национальной гордостью, и на нем стали варить, как пищу, так и еду.

Значительно позже, король Пфуль умер и в Голландии произошло из-за экономических причин сильное наводнение. После этого именно и стала популярной древне-голландская поговорка: «Клин — клином вышибай».

ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ И ЕГО УТИЛИЗАЦИЯ

Напрасно многие из нас думают, что голубой песец не существует, хотя его, действительно, по последним и научным данным — нет, почему и охота на него страшно затруднена.

В общем и целом, голубой песец водится в глубоких норах между градусами широты и долготы, значительно в стороне от них. Из норы его выманивают, или, бросая ему туда куски мяса и тем самым пугая его, или действуя на психологию животного, т.-е. тыкая в нору железной палкой. Мех голубого песца очень ценен и как украшение, и как воротник.

О голубом песце читатель найдет много интересного в книге А. Белого «Петербург», так как по песценосимости этот город был почти на первом месте.

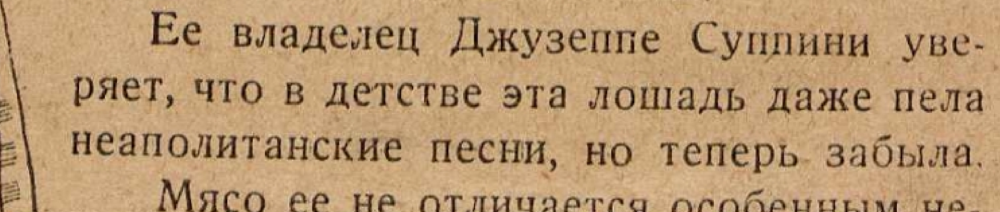
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ХРУСТАЛЯ

Откуда происходит хрусталь — вот научная проблема, которая очень часто интересует как иностранных ученых, так и других. Теперь господствует точка зрения, что хрусталь древне-испанского происхождения и играл большую роль.

Введенный в организм животного хрусталь оказывает неожиданное действие, поэтому его чаще всего употребляют, как наружное — для выделки хрустальной посуды из фаянса.

Он не плавится даже при 72° по Цельсию, но будучи расплавленным сохраняет изящный вид, почему и излюблен мелкобуржуазными стихиями, испуганными грядущими событиями.

РЕДКАЯ ЛОШАДЬ

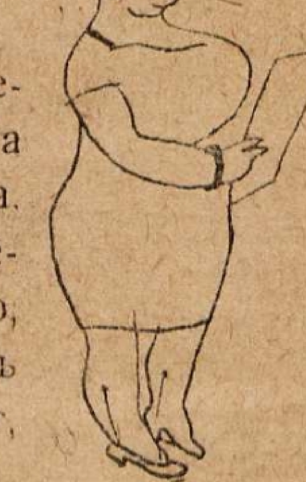

В мадридском цирке в Италии показывается лошадь особой масти, которая умеет считать, составляет редкие слова и даже свистит.

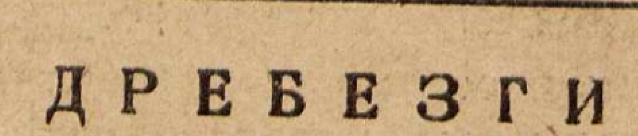
Ее владелец Джузеппе Суппини уверяет, что в детстве эта лошадь даже пела неаполитанские песни, но теперь забыла.

Мясо ее не отличается особенным ненормальным вкусом и почти безвредно, но при переезде в другие города лошадь эта не только берет сама за себя билет, но даже платит за хозяина.

ТРАВИАТА
Опера Верди

Л. Арбатский

ДРЕБЕЗГИ

ЛЮБОВЬ С НАЛЕТА

Вспоминая слова Чемберлена о том, что он любит Францию, как женщину, газета «Дейли Геролъд» спрашивает:

«Можем ли мы вообразить, чтобы сэр Остин вдруг заявил, что он любит Россию, как любят женщину?»

По нашему мнению, — нельзя. Если Франция, как некоторые женщины, и любит, чтобы за ней поухаживали с налета, то СССР, как существо мужского рода, этой любви с налета не признает. Особенно с лондонского налета на торгпредство.

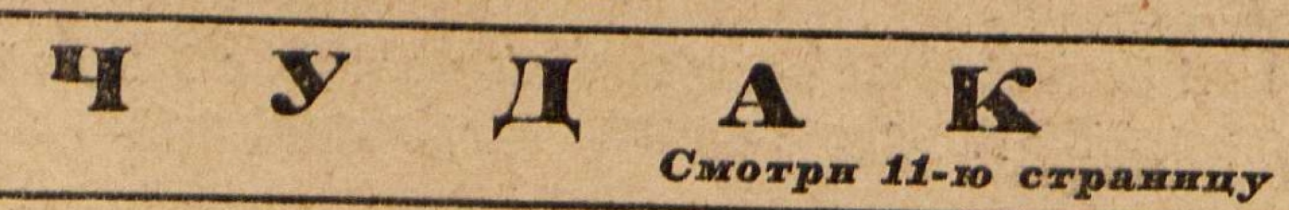

ОТКРЫВАТЕЛИ

Банк Моргана, судя по газетным сведениям, покупает за 2.000 долларов маленькую республику Андору, для открытия в ней рулетки.

Вкусы, конечно, меняются соответственно эпохам.

Когда-то европейцы открыли Америку, теперь американцы, попав в Европу, открывают игорные притоны.

ИЗ ДНЕВНИКА КЛИМА УНЫВАЛОВА

УМЕЙ многое об'яснять болезнью роста. Даже недостаток информации в некоторых газетах пытайся об'яснить болезнью РОСТА.

ЕДИНСТВЕННОЕ мануфактурное излишество, которое я замечаю, это—суконный язык у некоторых литераторов.

ЕСЛИ у учреждения нет оркестра — и ему иногда портят всю музыку.

ВЫЙДЯ из ванны, закрой кран. Не повторяй бессмысленных фраз: после меня хоть потоп.

БЕЗГРАМОТНОСТЬ подобна перевернутой букве: ее сразу на любой странице заметишь.

ЛЮБЛЮ читать воспоминания. Только по ним и узнаешь о том, как действительные статские советники с детства любили революцию.

ОДИН испуганный садовод, желая быть созвучным эпохе, дал в «Известия» об'явление о перемене имени у цветка Иван-да-Марья.

СКОЛЬ легкомысленны люди, не замечающие бревна у себя в глазу в дни дровяного кризиса!

СКОЛЬ странна судьба поэта А. С. Пушкина: ведь и стихи писал, и печатался,—а все помнят и читают...

ИНОГДА молодое творчество напоминает недозрелый арбуз: сверху зелено, а внутри бледно.

ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ГАЙКА СЛАБА

Вот как Дальневосточное отделение Госстраха агитирует граждан на страницах газеты «Рабочий Путь»:

Вопрос: Мне 23 года, я одинок и нет у меня никого, кто нуждался бы в моей помощи. Какой же мне смысл страховаться?

Ответ: Разве долго и много нужно, чтобы обзавестись семьей, ребятишками? А если вы уйдете из жизни, останется лишь пустое место, и нужно подумать, чтобы заполнить эту пустоту.

И дальше:

Вопрос: Вы говорите, что Госстрах платит за всякую смерть немедленно, однако, за самоубийство первые два года не платит.

Ответ: Представьте себе, что человек, решив покончить самоубийством, застрахуется в довольно крупной страховой сумме и Госстраху придется через короткий промежуток времени за небольшие полученные им деньги уплатить значительную сумму.

И правильно — нынче народ такой жулик пошел, что жизни своей не пожалеет, лишь бы с Госстраха копейку содрать...

Бедный Госстрах, и от града, и от огня, и от смерти — от всех несчастий страхует... Только вот от глупости даже сам не застрахован.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

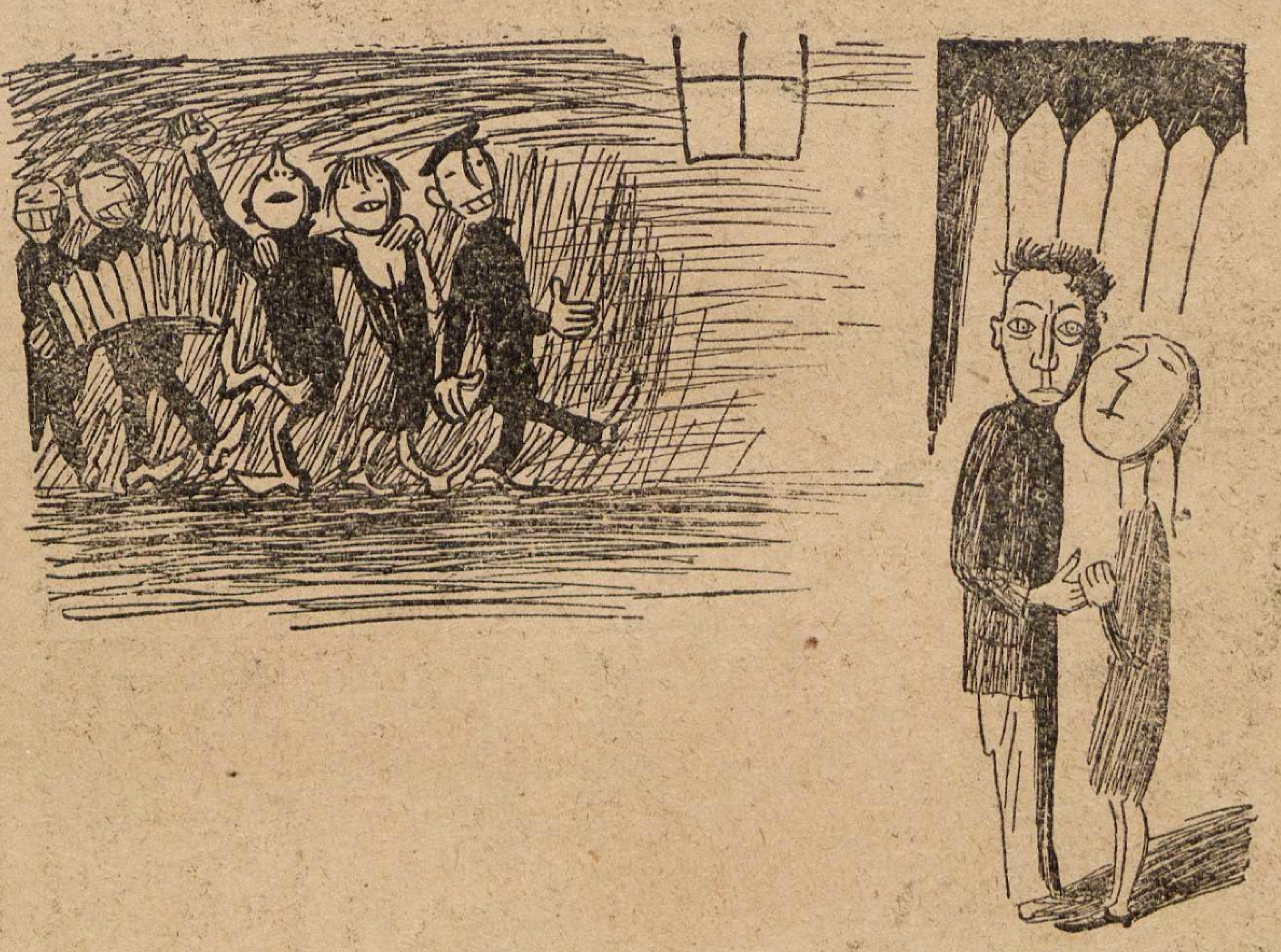
В газете «Одесские Известия» от 2-го октября 28 г. напечатано:

По ул. Чижикова был ранен ножом в руку Е. Бранмайстер. Полицией задержан нанесший ему ранение К. Севастеев.

А мы думали, что полиции уж нигде в нашей республике и в помине нет. Оказывается, живехонька — в «Одесских Известиях». Срочно сообщите, как у вас проходит кампания по выборам в городскую думу?

СЕБЕ ДОРОЖЕ

Рис. Б. М.

— Почему вы так редко улыбаетесь, Витя? У вас такие чудные зубы!

— Покажешь здесь зубы, — сейчас же их вышибут!

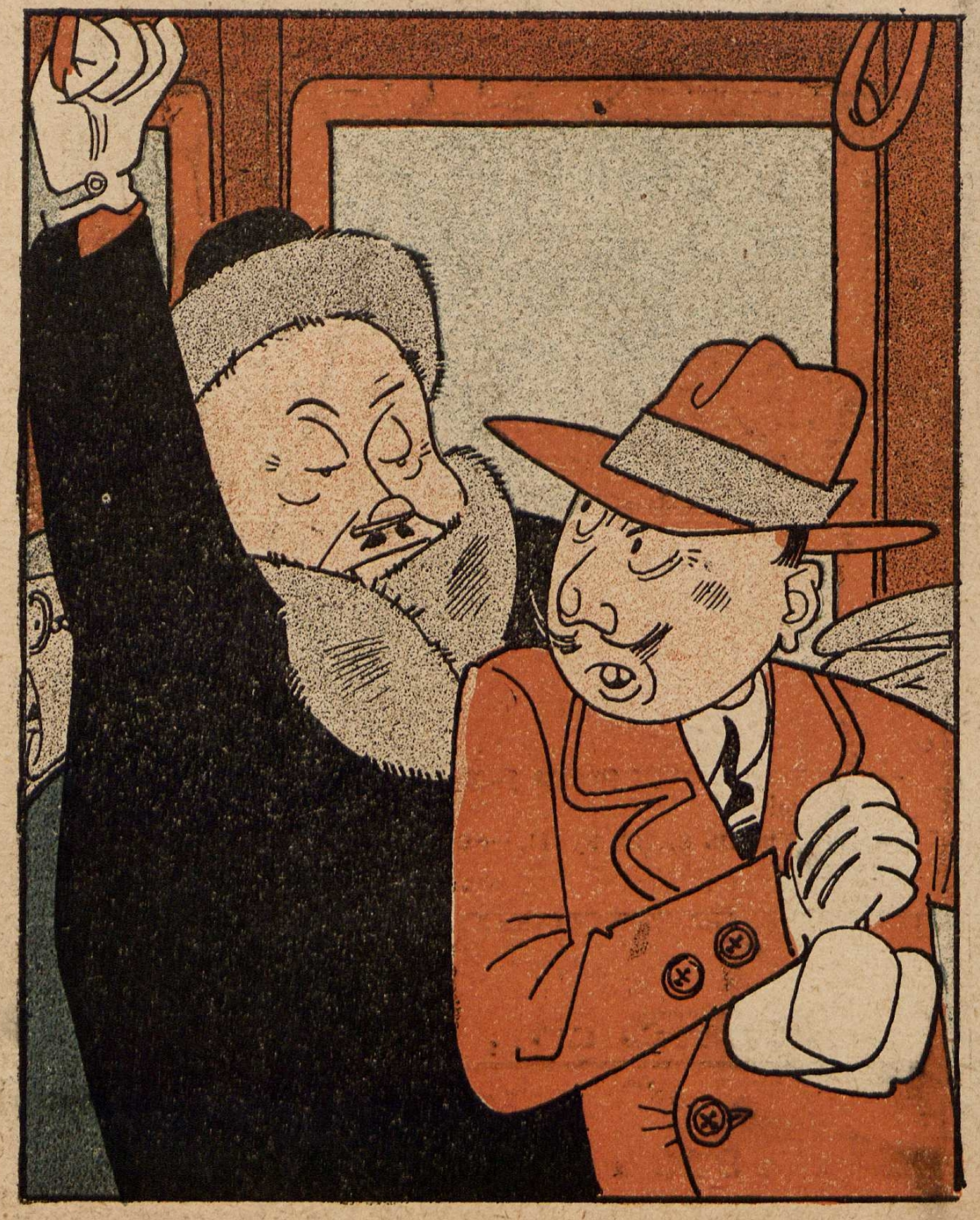
Издатель — Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК». Редакция — Москва, Страстной бульвар, 11. Отв. редактор — МИХ. КОЛЬЦОВ.

Главлит № А24974. Москва, тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Зак. № 2362. Тираж 100.000.

50-00

Рис. К. Ротова

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

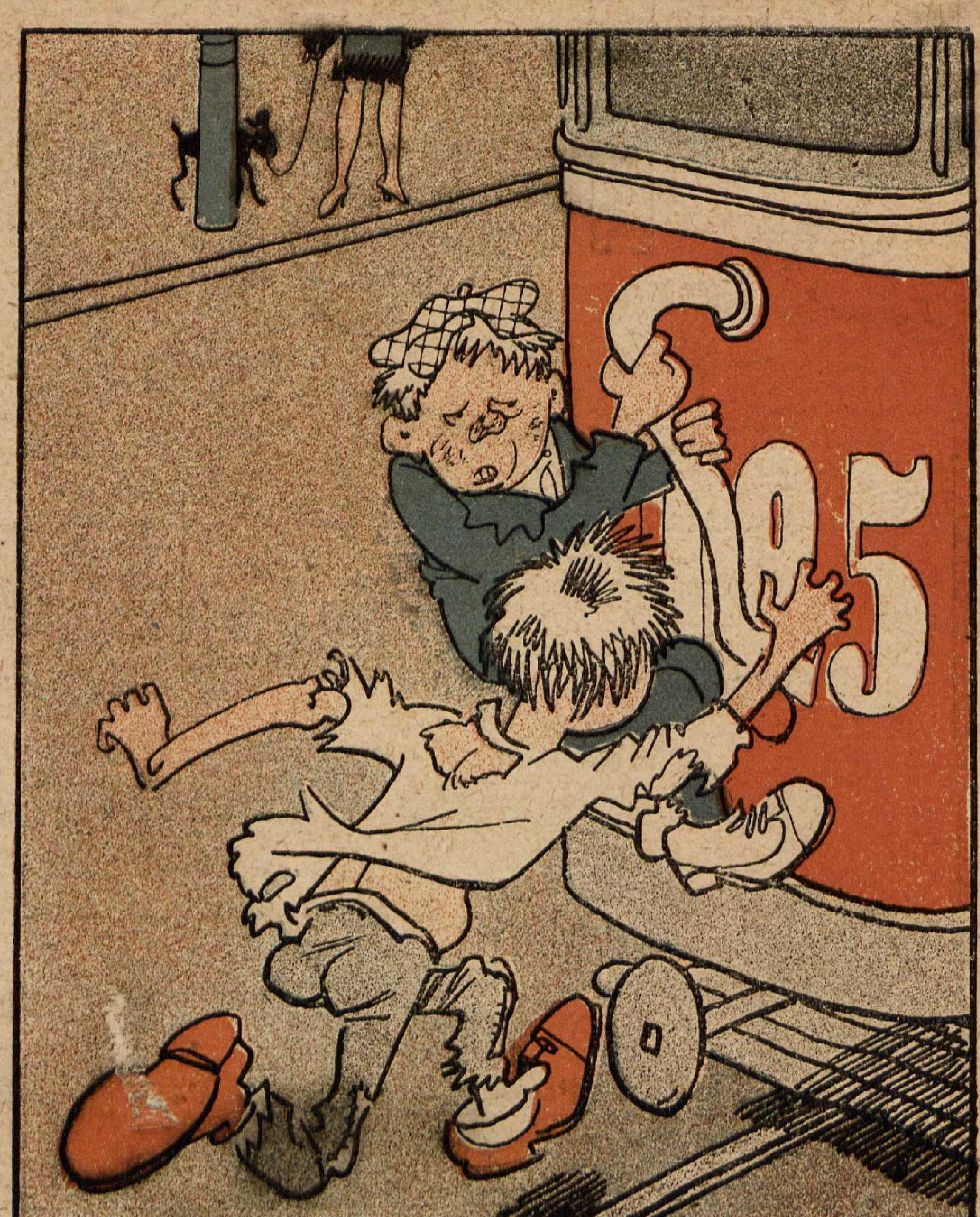
1. ШЛЯПА (бобру): — Тоже! Бобры нацепил и в трамвай лезет! В автомобилях бы раз'езжал!..

2. КАРТУЗ (шляпе): — Тоже! Шляпу нацепил и в трамвай лезет! В автомобилях бы раз'езжал!..

3. КЕПКА (картузу): — Тоже! Кепку нацепил и в трамвай лезет! В автомобилях бы раз'езж

4. ШЕВЕЛЮРА (кепке): — Тоже! Картузик нацепил и мвай лезет! В автомобилях бы раз'езжал!..

